

Вера Вольф

**Хрупкий
лёд**

Вера Вольф

Хрупкий лёд

Серия «Империя Соболевых», книга 2

<https://litres.ru/74024709>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иллюзия безопасности рассыпалась в один миг. Мы с Денисом наконец обрели дом, семью и то хрупкое счастье, за которое пришлось заплатить слишком дорого, но прошлое не отпускает нас так легко.

Это вторая книга серии «Империя Соболевых» — продолжение истории о любви, предательстве и цене, которую приходится платить за право защитить тех, кого любишь. Теперь на кону не только наши чувства, но и жизнь нашего сына.

Старые враги возвращаются, чтобы забрать свое, а вместе с ними приходит новая угроза, от которой не спрятаться даже за высокими заборами и охраной. Когда каждый шаг может стать ловушкой, а доверие — роскошью, хрупкий лёд под ногами трещит все сильнее.

Мне придется выбрать: спасти семью или снова утонуть в прошлом, которое давно должно было остаться позади.

Содержание

Глава 1. Последствия ночи	4
Глава 2. Слишком идеальное утро	13
Глава 3. Золотые стены	20
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Вера Вольф

Хрупкий лёд

Глава 1. Последствия ночи

Тишина загородного дома больше не лечила — она давила на барабанные перепонки, звенела в ушах натянутой струной. На Рублевке ад был ледяным, за высоким забором, где ворота захлопывались с глухим металлическим стоном, точно челюсти капкана. Этот особняк, спрятанный среди сосен, Денис выбирал сам. Настаивал на глухом периметре, строил из него крепость, где старые грехи его отца должны были потерять наш след. Наш тихий, выстраданный угол, за безопасность в котором мы заплатили слишком высокую цену.

Я прижалась лбом к паноманному стеклу кухни. От его ледяной поверхности ныла кость, но этот холод был единственным, что удерживало меня в сознании. Стекло мгновенно покрылось серым пятном пара от моего рваного дыхания. Пальцы, прижатые к животу сквозь тонкую ткань халата, затекли и покалывали. Сын замер. Шёл пятый месяц, обычно в эти часы он мягко, лениво толкался изнутри, требуя, чтобы я прошлась или выпила теплого молока, но сейчас он словно сжался в тугий комок, уловив, как ходит ходунком моя грудная клетка.

На кухне пахло горькой перечной мятой от остывшего за ночь чайника и сыростью — из приоткрытой фрамуги тянуло мокрой хвоей и предрассветным туманом, который сожрал сосновые стволы за окном.

В правой руке я сжимала крафтовый конверт. Плотный, шершавый, пахнувший чужой машиной и уличной сыростью. На нем не было ни адреса, ни марок. Полчаса назад я нашла его на деревянном настиле крыльца, когда вышла в одних тапочках, чтобы унять подступившую тошноту. Он лежал у самых ворот — тяжелых, черных, кованые пики которых до тошноты походили на ограду в доме Виктора Соболева. Начальник охраны вчера уверял Дениса, что датчики движения перенастроены и мышь не проскочит. Но конверт лежал.

Внутри — один глянцевый снимок.

Я скользнула взглядом по краю карточки, и в горле встал сухой, царапающий комок. Мама. Снимок сделали вчера, судя по дате на электронном табло автобусной остановки позади нее. Она шла по тротуару в своем маленьком городке, куда Денис перевез ее под чужим именем. Ирина улыбалась — той самой редкой, беззащитной улыбкой, от которой у нее собирались мелкие лучики морщинок у глаз. В руках она держала пластиковый пакет с пучками зелени, полы пальто были растрепаны ветром. Она верила, что кошмар закончился. Думала, что Соболевы забыли о нашем существовании.

Я перевернула фотографию. На обороте размашистым, безупречно аккуратным почерком было выведено: «*Кровь*

Соболевых не разбавить сосновым воздухом. Я наблюдаю».

Кожу на пояснице стянуло ледяным обручем. Виктор не прислал наемников. Он не стал взрывать машины Дениса на выезде из поселка. Физическая расправа — слишком просто для человека, который десятилетиями ломал людей ради спортивного интереса. Он бил тоньше — по швам. По тому хрупкому доверию, которое мы с Денисом пытались сшить из лоскутов после пяти лет разлуки и ненависти.

«Я наблюдаю». Он знал всё. О сыне внутри меня, о наших постах охраны, о новом паспорте мамы.

Сверху, со второго этажа, донесся тяжелый, мерный шаг. Скрипнула половица в коридоре у лестницы.

Денис.

Паника ударила в виски острой, горячей иглой. Если он увидит этот снимок, наш дом сгорит. Его собственнический инстинкт, та темная, контролирующая одержимость, которую он сдерживал ради меня последние месяцы, вырвется наружу. Его переключит. Он превратится в прежнего безумца: запрет меня в спальне, выставит армию у ворот, сожжет этот поселок дотла, лишь бы ликвидировать угрозу. Я не могла допустить, чтобы он снова стал тем монстром, от которого я бежала. Не сейчас, когда во мне растет его копия.

Я бросилась в гостиную, путаясь в длинном подоле халата. Ноги были ватными, не слушались. Опустившись на колени перед комодом, я рванула крышку деревянной шкатулки. Пальцы соскользнули, крафтовая бумага зашуршала слиш-

ком громко в утренней пустоте дома.

На бархатное дно я иногда ложила браслет ласточки с отбитым правым крылом — единственное, что я забрала из своей прошлой жизни. Я приподняла ткань двойного дна, сунула конверт под пачку старых документов и с тихим, сухим дребезгом накрыла его тяжелой фигуркой.

В груди стучало так, что перед глазами пошли серые пятна. Я опустила крышку шкатулки в ту секунду, когда тяжелая тень Дениса перекрыла свет из коридора.

— Майя? Почему ты не в постели?

Низкий, хриплый после сна голос заставил меня сжать зубы, чтобы они не застучали. Я поднялась, судорожно разглаживая ладонями ткань халата на бедрах, и повернулась, удерживая на лице маску спокойствия.

Денис стоял у нижней ступени. Без своего привычного бронежилета из дорогого костюма-тройки, без галстука и тяжелых часов на запястье. В простой серой футболке, обтягивающей мощные плечи, и спортивных брюках он выглядел домашним, неопасным. От его кожи пахло постельным теплом и мылом с нотами кедра.

Он подошел со спины — бесшумно, как хищник на своей территории. Его ладони — широкие, обжигаяще горячие после сна — легли на мою талию, а затем медленно скользнули вперед, накрывая низ живота. Денис прижался грудью к моей спине, уткнувшись носом в изгиб шеи.

— Опять сбежала, — тихо проворчал он, коснувшись гу-

бами кожи за ухом. — Я просыпаюсь, а простыня на твоей половине холодная. Не делай так, Майя. Мне нужно открывать глаза и чувствовать, что ты здесь. Моя.

Контраст между его тяжелыми, защищающими ладонями и ложью, которую я только что заперла под птицей, отозвался резкой физической судорогой в желудке. Он строил для нас броню, отдавал холдингу все силы, чтобы обеспечить этот покой. А я уже лгала ему, чтобы эта броня не раздавила нас обоих.

Под его ладонью сын слабо, едва заметно шевельнулся. Денис замер. Я почувствовала, как мгновенно напряглось его тело, как он затаил дыхание, ловя этот микро-сигнал. Его огромные руки, которыми он ломал карьеры и подписывал безжалостные контракты в Сити, сейчас едва касались моей кожи, словно боялись повредить хрусталь.

Идиллия закончилась через секунду.

Денис был слишком подозрителен. Годы войны с Виктором Соболевым выжгли в нем способность верить на слово. Его пальцы на моем животе дрогнули — он перехватил мою внутреннюю дрожь. Почувствовал, какими каменными, чужими стали мои плечи под его подбородком.

Он резко развернул меня к себе за плечи. Его светло-серые глаза опасно сузились, зрачки расширились, почти съедая радужку. Твердый, оценивающий взгляд прошелся по моему лицу, задержавшись на искусанной нижней губе.

— Майя, — в его голосе прорезались те самые жесткие,

властные нотки, от которых у меня когда-то подкашивались колени в его кабинете на Рублевке. — Посмотри на меня.

Я заставила себя поднять глаза, сжимая пальцы в кулаки за спиной.

— Что случилось? — Он перехватил мои запястья, фиксируя их на месте. Его хватка была похожа на тиски — не больно, но сдвинуться невозможно. — Руки ледяные. Тебя колотит. Что с ребенком? Говори.

В его глазах на долю секунды промелькнул чистый, первобытный страх потери. Но следом за ним поднялась мутная, темная волна. Его собственнический инстинкт взвился на дыбы — он уловил, что я боюсь не физической боли. Мой взгляд метался. Я скрывала что-то, что происходило прямо сейчас, на его территории.

— Всё хорошо, Денис, — я попыталась высвободить кисти, но он лишь крепче сжал пальцы. Тогда я просто прижалась лбом к его груди, чувствуя, как тяжело и ровно бьется его сердце через тонкий хлопок футболки. — Правда. Малыш в порядке, он только что толкался, ты же сам чувствовал. Всё нормально.

— Тогда почему ты выглядишь так, будто тебя поймали на месте преступления? — Он сделал шаг вперед, вжимая меня бедрами в край комода. Воздух между нами стал горячим, удушливым, мне перестало хватать кислорода. — Что ты делала у окна, Майя? Почему ты караулишь рассвет?

— Сон, — выдохнула я в его ключицу, чувствуя, как пере-

сохло во рту. — Приснился кошмар. Тяжелый, душный сон про про ту зиму. Врач же предупреждал, что во втором триместре из-за гормонов бывает беспричинная тревожность. Голова закружилась, я вышла на кухню, чтобы умыться холодной водой и подышать. Всё в порядке, Денис.

Денис смотрел на меня в упор, не мигая. Его челюсти сжались так, что на щеках проступили острые желваки. Он ненавидел секреты — для него любая недосказанность со мной пахла предательством, возвращая его в те пять лет, когда он считал, что я бросила его. Старый Денис уже перевернул бы этот дом вверх дном, заставил бы охрану поднять записи камер. Но сейчас он держал своего внутреннего демона на коротком поводке, тяжело дыша мне в макушку. Он обещал, что всё будет по-другому.

— Кошмар, — тихо повторил он, ведя костяшкой пальца по моей скуле. Прикосновение было жестким. — Ладно. Я сделаю вид, что поверил. Но если я узнаю, Майя если я узнаю, что ты опять ведешь со мной двойную игру и что-то прячешь Тебе очень не понравится результат. Я не посмотрю на твое положение.

Угроза осталась висеть между нами, тяжелая, липкая. Хрупкий лед под нашими ногами дал глубокую продольную трещину.

Через час Денис уже застегивал манжеты рубашки перед большим зеркалом в прихожей. Домашний парень исчез — вернулся холодный, расчетливый СЕО «Империи Соболе-

вых», пахнувший дорогим парфюмом с нотами табака и кожи. Но в зеркале я видела его взгляд: тяжелый, буравящий мою спину, пока я брала ему ключи от машины.

Он подошел ко мне вплотную перед самой дверью. Его ладонь резко легла на мой затылок, пальцы жестко перебрали волосы у корней и потянули их вниз, заставляя закинуть голову.

Поцеловал меня. Глубоко, с силой, вжимая свои губы в мои так, что я почувствовала легкий солоноватый вкус собственной крови на языке — он поймал трещинку на моей губе. Это был не поцелуй любви или нежности — это была маркировка собственности перед выходом на охоту. В нем горела его ревность, его подозрение, которое он не смог заглушить никакими моими оправданиями про гормоны.

— Из дома ни шагу, — выдохнул он мне в самые губы, неохотно отпуская мои волосы. Его глаза потемнели до состояния грозового неба. — Охране я сейчас устрою разнос на КПП. Если узнаю, что ты выходила за пределы крыльца — посажу под замок в спальне. Сама знаешь, я могу.

Рокот его двенадцатицилиндрового мотора за окном стих быстро, растворившись в тумане. В доме выключились все звуки, остался только свист воздуха в моих легких и слабый запах бензинового выхлопа, затянутый через открытую дверь прихожей. Колени окончательно ослабли, и я просто сползла по гладкому кафелю стены на пол, обхватив руками ноги.

Я вытащила из кармана халата телефон. Пальцы оставили на экране серые влажные следы. Набрала маму.

Один гудок. Второй. На третьем — короткий, сухой щелчок. Вызов сбросили. Она никогда так не делала. Даже если была на приеме у врача или в магазине, она всегда присылала короткое шаблонное «перезвоню позже».

Прежде чем я успела нажать кнопку повтора, трубка в кулаке мелко задрожала. Короткий вибросигнал прозвучал как щелчок взводимого курка в пустой комнате. На дисплее выскочило СМС-сообщение с незнакомого короткого номера.

«Умница. Заботься о маме. Ей так идет улыбка, не находишь?»

Пальцы ослабли сами собой. Телефон с глухим стуком упал на плитку, экран треснул в правом углу, пустив по защитному стеклу тонкую, уродливую паутину.

Виктор Соболев вернулся. И он бил не по телу — он бил по швам, которыми мы с трудом сшили нашу жизнь.

Глава 2. Слишком идеальное утро

Шорох шин по гравию у ворот заставил меня подскочить. Сердце взлетело к горлу, когда тяжелая дверь прихожей открылась, впуская порцию холодного воздуха.

В дом влетела мама.

Я не видела её такой со времен до Рублевки. Даже в те редкие недели, когда Виктор Соболев милостиво разрешал ей улыбаться за общим обедом, в её глазах жил застарелый серый страх. Сейчас его не было. Ирина светилась изнутри, точно в груди включили мощную лампу. Щёки покрывал яркий, здоровый румянец от утренней свежести, плечи были расправлены, исчезла привычная сутулость. На ней было новое кашемировое пальто цвета овсянки — я сама выбирала его три недели назад, надеясь вернуть ей вкус к жизни, выбить из нее этот вечный серый цвет.

— Майечка! Ты не спишь? Боже, какая на улице красота, туман рассеивается, сосны стоят как в сказке! — её голос звенел, в нем не осталось надтреснутой хрипоты, которая пугала меня во время её депрессии.

В руках она держала огромную, пахнущую сырой землей и горьким соком охапку осенних астр и веток эвкалипта. От мамы тянуло легким лавандовым парфюмом, полностью вытеснившим тяжелый запах успокоительных капель, который годами преследовал её спальню.

— Посмотри, что я привезла! — она подбежала ко мне, опустила букет на кухонный остров, заставив хрустнуть сухие нижние листья, и крепко обняла меня за плечи. — Олег Петрович помог срезать в оранжерее. Сказал, что для твоей гостиной они подойдут идеально.

При имени «Олег Петрович» внутри словно провернулся колючий провод. Я замерла в её объятиях, чувствуя, как тело снова становится деревянным, сопротивляясь чужому теплу.

— Олег Петрович? — тихо, стараясь удерживать голос в пределах ровной интонации, переспросила я. — Руководитель твоих курсов ландшафтного дизайна?

— Да, он самый! — Мама отстранилась, её глаза блестели совершенно девичьим, восторженным блеском. Она принялась суетливо искать вазу, перебирая стебли, пальцы её мелко подрагивали от возбуждения. — Майя, он потрясающий человек. Настоящий профессионал. Ты бы видела, какие проекты зимних садов он создает! Сегодня перед занятиями он уделил мне целый час. Представляешь? Мы разбирали мою схему альпийской горки для нашего участка. Он так галантно скорректировал углы освещения, сказал, что у меня врожденное чувство пространства. А потом потом он увидел, что я опасаюсь опоздать на автобус из-за тумана, и просто довез меня до самого поселка. На своей машине. Представляешь, какой внимательный мужчина?

Каждое слово падал тяжелым кирпичом, вышибая воздух из легких.

Довез до самого поселка. Через посты охраны. В закрытый сектор, куда чужакам вход был закрыт, если только их номера не вносил в базу лично Денис. Или если этот человек не имел ключей от всех дверей, которые штамповал Виктор Соболев.

Я смотрела на маму, на её оживленное лицо, на то, как бережно её пальцы касались лепестков, и внутри всё выло от боли. Перед моими глазами стоял глянец фотографии, спрятанной под фарфоровой ласточкой. Снимок, сделанный вчера. На нем мама шла по этой же улице, улыбаясь. Снимок, который прислал Виктор с припиской: *«Ей так идет улыбка, не находишь?»*

Олег Петрович не был случайным мужчиной. Он не был просто преподавателем ботаники. Это была ювелирная, точная посадка Виктора. Мой бывший свекор не менял методов: он находил слабые места, изучал дефициты жертвы и вливал туда сладкий яд. Мама истосковалась по мужскому вниманию, по уважению, по нормальной человеческой заботе без насилия. И Виктор дал ей это. Идеологически правильного, понимающего Олега Петровича, который подвез её прямо к нашему порогу.

Мне хотелось схватить её за плечи. Тряхнуть со всей силы. Закричать: *«Мама, очнись! Тебя ведут на убой! Этот человек — шпион Виктора, он считает твои шаги!»*

Но я смотрела на её расправленные плечи, на этот живой румянец, на то, как она впервые за столько лет перестала

вздрагивать от каждого шороха, и язык примерзал к нёбу. Если я скажу ей правду сейчас — я убью её. Её психика, едва собранная из осколков терапевтами, просто не выдержит второго круга ада. Она снова сломается. Рухнет в ту черную пропасть депрессии, откуда мы вытаскивали её почти год. Виктор знал это. Он запер меня в идеальный капкан: цена маминого счастья — моё молчание.

— Майя? Что с тобой? Ты меня совсем не слышишь, — восторженный монолог мамы оборвался. Она замерла с веткой эвкалипта в руках, всматриваясь в моё лицо. На её лоб вернулась знакомая тревожная складка. — Ты бледная. Опять утренняя тошнота?

Я судорожно сглотнула, заставляя мышцы лица расслабиться.

— Нет, мам, всё хорошо. Просто задумалась. Цветы правда очень красивые. Олег Петрович действительно кажется очень внимательным.

Мама облегченно вздохнула, сделала шаг ко мне и мягко, обжигающе горячей ладонью коснулась моего живота сквозь шелковистый халат. Этот жест был таким родным, что у меня защемило в носу от подступающих слез.

— Денис так заботится о тебе, Майечка, — тихо произнесла она, поглаживая ткань халата. — Я вижу, как он смотрит на тебя. Как ловит каждое твое движение. Я так рада, что весь этот кошмар, вся эта рублевская грязь остались позади. Вы смогли пройти через это. У моего внука будет на-

стоящий, любящий отец и спокойный дом. Господи, я каждый день молюсь за вас с Денисом.

Каждое слово резало по живому. Она радовалась, что всё позади. Она верила в безопасность этого дома. Она благоговела мужчину, от которого я только что скрыла самую страшную тайну, способную вернуть его в состояние агрессивного безумия.

Я не могла сказать ей правду. Но и сидеть сложа руки я тоже не собиралась. Во мне росла кровь Соболевых — пусть и не по рождению, но за годы жизни в их доме я научилась их методам. Защитить маму тайно, не разрушая её иллюзию счастья, — вот что я должна сделать.

Мои старые журналистские навыки никуда не исчезли. Профессиональная деформация — это навсегда. Я найду всё на этого Олега Петровича. Пробью его связи, его счета, его прошлое. Если он шпион Виктора — я найду зацепку быстрее, чем Денис успеет заметить трещину в моем поведении.

— Да, мам. Всё позади, — солгала я, целуя её в мягкую щеку. — Иди в сад, примерь свои новые задумки. А я пойду немного прилягу. Гормоны действительно дают о себе знать.

Мама закивала, её лицо разгладилось. Подхватив металлический секатор, отливающий холодным блеском, она быстрой походкой вышла через террасу в глубину участка.

Я осталась одна на огромной кухне.

В кармане халата коротко завибрировал телефон. Я вытащила его, дисплей слабо мерцал, царапая кожу. На экране

горело уведомление от мобильного банка.

«Зачисление: 5 000 000 руб. От: Денис В. Комментарий: На любые капризы моей ласточки. Береги себя и сына».

Пять миллионов. Классический жест Дениса Соболева — залить деньгами свою внутреннюю тревогу, попытаться купить мою безопасность, компенсировать ту подозрительность, которая осталась между нами после утреннего разговора. Он чувствовал фальшь, и его реакцией была демонстрация силы. Он пытался привязать меня к себе золотыми цепями еще крепче.

Экран перекрыл входящий вызов. Игорь — начальник личной охраны нашего дома, верный пес Дениса.

Я нажала на кнопку приема.

— Да, Игорь.

— Майя Викторовна, доброе утро, — голос начальника охраны был сухим, в нем звенела армейская сталь. — Денис Викторович звонил три минуты назад. Поступило личное распоряжение по периметру. Мы затягиваем гайки.

У меня перехватило дыхание.

— Что это значит?

— Через полчаса к воротам прибывает дополнительная бригада СБ холдинга «Империя Соболевых» со специальным допуском. Мы полностью меняем протокол внешнего контроля. Датчики движения дублируются, вводится сквозное патрулирование зоны. Денис Викторович приказал блокировать любые несанкционированные посещения. Из до-

ма и в дом — только по его личному подтверждению. Даже для обслуживающего персонала. Извините, Майя Викторовна, но приказ жесткий. Дом переводится в режим крепости.

Я медленно опустила руку с телефоном. Короткие гудки отбоя стучали в моей голове как удары метронома.

Крепость. Денис затягивал гайки безопасности, превращая наш тихий сосновый рай в самую настоящую тюрьму под предлогом защиты гнезда. Его подозрительность переросла в действие. И теперь, когда периметр заблокируют его цепные псы, моё независимое журналистское расследование становилось практически невыполнимой задачей. Информационный вакуум вокруг меня сжимался, и я оказывалась заперта между двумя самыми опасными мужчинами в моей жизни.

Глава 3. Золотые стены

Запах свежего соснового спила, который еще вчера казался мне символом исцеления и свободы, бесследно исчез. Его вытеснил резкий, едкий запах паленой пластмассы и окалины от сварки. Из глубины двора доносилось монотонное, раздражающее жужжание шуруповерта и прерывистый писк калибровки электроники.

Я стояла на крыльце, кутаясь в длинный шерстяной кардиган, и сквозь пелену холодного октябрьского тумана наблюдала за тем, как рушится мой хрупкий мир. Наш сосновый рай, который Денис так бережно выстраивал для нас последние полгода, методично перемалывали жернова «Империи Соболевых».

По всему периметру высокого кованого забора работали люди. Хмурые мужчины в глухих черных штормовках с логотипами СБ холдинга Соболева монтировали дополнительные титановые кронштейны. В их руках хищно поблескивали тяжелые цилиндры камер — новые, матовые модели с инфракрасной подсветкой и встроенными датчиками движения. Те самые, которые Виктор Соболев использовал на своих режимных объектах. Те самые, которые фиксировали каждый мой шаг на Рублевке.

Один из рабочих, закрепившись на раздвижной лестнице прямо напротив нашего дома, как раз наводил тяжелый объ-

ектив левее. Туда, где за панорамным стеклом второго этажа находилась наша спальня. Наша постель. Моё единственное убежище.

Горло мгновенно перехватило спазмом. Воздух стал густым, тяжелым, словно я снова оказалась в подвале рублевского особняка, где стены давили на грудную клетку, не позволяя сделать даже самый короткий вдох. Клаустрофобия накатила серой, удушливой волной, заставляя пальцы судорожно вцепиться в деревянные перила крыльца. На полированном дереве остались влажные следы от моих ладоней.

Они затягивали гайки. Буквально.

— Эй! — мой голос прозвучал неожиданно хрипло. Я сделала несколько быстрых шагов по гравийной дорожке, чувствуя, как осенний холод пробивает тонкую подошву домашних туфель. Гравий остро колот ступни. — Стойте. Что вы делаете? Кто разрешил направлять камеры на окна жилых комнат?

Старший смены — высокий, коротко стриженный мужчина со шрамом на подбородке и ледяными глазами профессионального вышибалы — медленно повернулся ко мне. Он не суетился. В его движениях сквозила та абсолютная, железобетонная уверенность, которая бывает только у людей, имеющих за спиной безграничную власть своего хозяина.

— Доброе утро, Майя Викторовна, — он дежурно приложил пальцы к козырьку кепки, но в его тоне не было ни капли искреннего уважения. Только сухой, армейский устав. —

Проводим плановую модернизацию внешнего контура безопасности по первому классу защиты.

— Какая модернизация? — я подошла ближе, тяжело дыша. Живот отозвался легким, тянущим тонусом, и я рефлексивно прижала к нему ладонь. — Эти камеры смотрят прямо в мою спальню. Из дома и так невозможно выйти без конвоя Игоря, а теперь вы собираетесь фиксировать, как я сплю? Уберите это. Немедленно. Перенаправьте объективы на внешнюю сторону забора.

Мужчина даже не моргнул. Его лицо оставалось неподвижной маской, высеченной из гранита. Он вытащил из кармана планшет в противоударном чехле, коротко скользнул по нему пальцем и ровно, чеканя каждое слово, произнес:

— Приказ Соболева-младшего. Личное распоряжение Дениса Викторовича от шести часов сорока минут утра. Дополнительный контур защиты для вас и плода. Любые изменения угла обзора камер за пределами утвержденной схемы запрещены программно. Система заведена на центральный пульт холдинга.

Слово «плод» ударило меня по лицу хуже хлыста.

Не ребенок. Не наш сын Марк. *Плод.*

В их терминологии я в один миг перестала быть любимой женщиной, партнером или хотя бы человеком. Я превратилась в ценный биологический контейнер. В инкубатор, несущий в себе наследника «Империи», который необходи-

мо окружить тройным кольцом колючей проволоки, датчиками объема и глушителями сигналов. Денис защищал не меня — он защищал свою собственность. Своё продолжение.

— Плода... — тихо, с горькой усмешкой повторила я, отступая на шаг. — Понятно.

— Пожалуйста, вернитесь в дом, Майя Викторовна, — вежливо, но с той непреклонностью, которая не предполагала возражений, добавил старший смены. — На улице туман и сырость. Денис Викторович очень беспокоится о вашем здоровье. И о безопасности.

Я ничего не ответила. Повернулась и почти побежала обратно к крыльцу, чувствуя, как мне в спину смотрят несколько пар равнодушных глаз в черных штормовках. И одна стеклянная, мертвая линза новой камеры, которая уже транслировала мое бледное лицо куда-то в недра Сити, на экраны мониторов СБ.

Внутри дома теплый воздух, пахнувший лавандовым парфюмом мамы и свежесваренным чаем, не принес облегчения. Наоборот, панорамные окна гостиной теперь казались мне огромными, прозрачными стенами вольера. Я поднялась на второй этаж, задернула тяжелые блэкаут-шторы в спальне, погружая комнату в искусственную, душную темноту, и опустилась на край кровати.

Телефон со сколотым углом лежал на тумбочке, безмолвный и опасный, как неразорвавшаяся граната. Моё расследо-

вание в отношении Олега Петровича, мамино идеального преподавателя, рубилось на корню. Как я смогу проверить его связи, выехать в город или встретиться со старыми контактами из редакции, если теперь каждый мой шаг контролируется «по первому классу защиты»? Денис запер меня в идеальной, глухой шкатулке. Он выстроил вокруг меня золотые стены, через которые не должен был проникнуть ни один звук из внешнего мира.

Вечер опустился на поселок серой, промозглой хворью. Туман сгустился настолько, что сосны за окном превратились в размытые, призрачные силуэты.

Шорох шин его тяжелого внедорожника я услышала в седьмом часу вечера. Обычно этот звук вызывал у меня облегчение, но сегодня внутри всё натянулось, как гитарная струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения.

Тяжелая дубовая дверь прихожей открылась, и в дом вошел Денис.

От него веяло холодом, сыростью и тем специфическим, душливым запахом больших денег и чужой ярости, который всегда приносили с собой мужчины семейства Соболевых после тяжелых раундов в Сити. Он был взвинчен до предела. Черное пальто распахнуто, галстук ослаблен, верхняя пуговица дорогой рубашки сорвана. На его лице, обычно безупречно спокойном и ироничном, сейчас залегли глубокие, темные тени. Жесткая линия челюсти была сведена так сильно, что на скулах отчетливо перекатывались желваки. Судя

по всему, раздел старых активов Виктора — тех самых грязных, кровавых кусков империи, которые отец оставил после себя, — шел через войну. И Денис эту войну вел на уничтожение.

Он не успел даже сбросить пальто, когда я шагнула из темноты коридора прямо к нему, перекрывая проход в гостиную.

— Зачем эти камеры, Денис? — мой голос сорвался на звенящий, вибрирующий от долгого ожидания протест. — Зачем этот цирк на заборе? Зачем твои люди смотрят в окна моей спальни?!

Денис замер. Его темные, почти черные в полумраке прихвосты глаза медленно поднялись на меня. В них не было привычной теплоты, не было того нежного, ласкового света, которым он окружил меня после родов. Там клубилась глухая, тяжелая гроза. Старая, яростная одержимость, которую я так надеялась похоронить весной, снова подняла голову из самых темных глубин его души.

— Майя, не сейчас, — его голос был тихим, хриплым от усталости и слишком низким. — Я не настроен на сцены. Иди в спальню.

— Нет, сейчас! — я сделала шаг вперед, сжимая кулаки. Обида, страх и удушье, копившиеся во мне весь день, прорвались наружу неуправляемым потоком. — Я не твоя вещь, Денис! Я не твоя собственность, которую можно обнести колючей проволокой и запереть под замок! Твоя служба без-

опасности называет моего ребенка «плодом» и диктует мне, когда выходить на улицу! Ты превращаешь этот дом в тюрьму! Ты становишься точно таким же, как твой отец!

Последние слова стали роковой ошибкой.

Лицо Дениса исказилось. В одно мгновение он преодолел разделяющее нас расстояние. Я даже не успела охнуть, как его тяжелая, горячая ладонь перехватила мои запястья, сжимая их вместе с такой силой, что пальцы мгновенно онемели. Это было не больно — он ювелирно дозировал физическое давление, помня о моей беременности, — но эта демонстрация абсолютной, подавляющей мужской силы не оставляла шансов на сопротивление.

Одним жестким, слитным движением он впечатал меня спиной в холодную, крашеную стену прихожей.

Я оказалась зажата между его массивным, тяжело дышащим телом и твердой поверхностью. Его лицо находилось в паре сантиметров от моего, так близко, что я чувствовала жар, исходящий от его кожи, и мятный, горький привкус его дыхания. От его темной, давящей ауры кружилась голова. Жесткая ткань его дорогого шерстяного пальто грубо прошлась по шелку моего домашнего платья.

— Никогда, — прорычал он прямо мне в губы, и его пальцы на моих запястьях сжались чуть сильнее, фиксируя меня у стены. — Слышишь меня, Майя? Никогда больше не смей сравнивать меня с Виктором.

— Тогда отпусти меня... — прошептала я, пытаюсь дер-

нуться, но его тело, плотное как скала, заблокировало малейшее движение. — Отпусти, ты делаешь мне больно...

— Я не делаю тебе больно, — отрезал он, и его взгляд на секунду скользнул по моему округлившемуся животу, после чего снова вернулся к моим глазам, выжигая в них остатки сопротивления. — Я удерживаю тебя от глупостей. Ты думаешь, это моя прихоть? Думаешь, мне нравится тратить миллионы на новые протоколы СБ и бригады со специальным допуском?

— Так объясни мне! — выкрикнула я ему в лицо, чувствуя, как по щеке ползет горячая, злая слеза. — Объясни, почему я должна жить как в карцере!

Денис приблизил свое лицо еще ближе, так что его лоб почти коснулся моего. Его дыхание было рваным, тяжелым, грудная клетка ходила ходуном, прижимаясь к моей груди через слои одежды. В этом физическом контакте было столько же яростной страсти, сколько и пугающего контроля. Он был одержим мной, одержим безопасностью этого ребенка, и эта одержимость стирала все цивилизованные грани.

— Потому что ты ни черта не понимаешь, Майя, — выдохнул он, и в его хриплом голосе впервые прорезалась глухая, страшная усталость. — Ты не знаешь, что происходит снаружи. Ты не видишь, какие крысы сейчас лезут из старых отцовских нор. Ты будешь сидеть за этими стенами, Майя. Будешь сидеть под каждой камерой, которую я прикажу поставить. Если понадобится — я заколочу эти окна и буду сам

носить тебе еду. Ты будешь сидеть здесь, потому что за этими стенами — ад. И я скорее сам сдохну, чем позволю тебе и моему сыну в него вернуться. Тебе всё ясно?

Я смотрела в его потемневшие, безумные от напряжения глаза и понимала: спорить бесполезно. В этом состоянии Денис Соболев не воспринимал логику. Он превратился в хищника, который забился в угол своей пещеры и скалился на любой шорох, готовый перегрызть горло каждому, кто приблизится к его самке. Его «защита» была абсолютной, удушьюющей и не предполагала компромиссов.

Он ждал моего ответа, по-прежнему удерживая мои руки над моей головой, прижатыми к стене. Его тело давило на мое, заставляя чувствовать каждый изгиб его жестких мышц, каждую пуговицу его пальто.

— Да, — едва слышно выдохнула я, прекращая борьбу.
— Мне всё ясно, Денис.

Только после этого его пальцы медленно, словно нехотя, разжались.

Денис резко отступил на шаг, словно испугавшись собственной вспышки. Он тяжело взглянул на меня напоследок, развернулся и быстрыми, рубящими шагами направился в глубину коридора. Секундой позже в самом конце галереи глухо, с коротким щелчком замка закрылась тяжелая дверь его рабочего кабинета.

Я осталась стоять у стены в полумраке прихожей.

Спина сквозь тонкую ткань домашнего платья отчетли-

во чувствовала холод штукатурки. Запястья горели от его недавней хватки, на коже остались бледные, постепенно наливающиеся красным следы от его пальцев. Мое сердце колотилось где-то в районе горла, а внизу живота все еще сохранился этот тревожный, тянущий узел.

Я медленно опустила руки и посмотрела на свои ладони. Они дрожали.

Воспоминания о нашей весенней беседе — о том тихом, благословенном вечере, когда сосны за окном казались дружелюбными, а Денис говорил, что его броня треснула, — вспыхнули в памяти издевательской насмешкой.

«Я не стал другим. Я просто перестал притворяться... Броня треснула», — говорил он тогда, утыкаясь носом в мое плечо.

Какая глупость. Какая наивная, слепая вера с моей стороны.

Я подняла глаза к высокому потолку прихожей, где в самом углу уже подмигивал крошечный зеленый светодиод свежесмонтированного датчика объема.

Его броня не треснула. Он не избавился от нее, не уничтожил свой токсичный, соболевский кокон контроля. Денис просто перестроил его. Он расширил масштабы своей цитадели, превратил свои внутренние шрамы в реальные, осязаемые золотые стены из титана, бетона и вооруженной охраны. И запер внутри этой брони меня.

Кольцо сжалось. Теперь я была изолирована от мира в его

безупречной крепости, один на один со своей тайной, шантажом Виктора и нарастающим безумием мужчины, которого я, несмотря ни на что, продолжала любить.

Дорогие читатели!

Спасибо, что вы со мной и с героями «Хрупкого льда». Мне очень важно знать, как вам эта глава — какие эмоции отозвались, где было напряжённо, а где, может быть, хотелось сказать героям что-то своё.

Если у вас будет пара минут и желание — напишите пару строк в комментариях под этой главой. Для меня каждый ваш отклик — как маленький компас, который помогает писать дальше.

А полный отзыв на книгу, если захочется его оставить, лучше приберечь до финала.

С теплом, ваша Вера Вольф

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.